

УДК 811.161.1'372+811.161.1'373.21

ПИТЕР В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

Ю. А. Кривошапова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

В статье представлен языковой образ *Питера*, закрепленный в народном сознании и отраженный в диалектных семантических и словообразовательных оттопонимических дериватах, фразеологизмах и устойчивых речениях, содержащих данный топоним. В результате семантико-мотивационного анализа языковых данных выделены ключевые параметры, характеризующие лингвистический образ города: локативная характеристика; социальный состав населения и материальная культура. Питер представляется удаленным северным пределом России, до которого трудно и долго добираться. Образ города амбивалентен: в Питере можно как разбогатеть, так и пропасть и разориться. Как интеллектуальный и административный центр страны, «мужской» Петербург противопоставлен провинциальной и патриархальной «женской» Москве. Ярко представлен в народной речи образ *питерщика*, приехавшего в город на отхожий промысел: это мастеровой человек, перенявший манеры горожанина, часто наглый и заносчивый. Предметы материального мира, охарактеризованные как «питерские», расцениваются диалектоносителями как «столичные», качественные и дорогие.

Ключевые слова: топонимия, диалектная лексикология, оттопонимические производные, языковая картина мира, семантический анализ, ономаσιологический анализ.

Yu. A. Krivoshchapova. *PITER* IN THE RUSSIAN FOLK LINGUAL TRADITION

The article is devoted to presentation of the linguistic image of Piter which exists in national mind and is reflected in dialectal semantic and word-formative toponymical derivatives, phraseology and fixed expressions including this toponym. As a result of semantic and motivational analysis of the language data the main features of the linguistic image of the city have been described. These features are locative characteristics, social composition of the population and material culture. To the native speaker of Russian Piter seems to be situated at the Nord confines of Russia which are difficult to be reached. The image of the city is ambivalent: in Piter it is possible to become rich and to lose everything. As an intellectual and administrative center of the country “male” Piter is in contrast with patriarchal and provincial “female” Moscow. The image of *pitershchik* («that who lives in Piter») is well represented in folk speech: it is an artisan who has come to Piter to seasonal work; he behaves like a city dweller and he is often impudent and arrogant. The objects of the material sphere characterized like “Piter-made” are concerned to be “downtown style”, expensive and of high quality.

Key words: toponymy, dialectal lexicology, toponymic derivatives, language picture of the world, semantic analysis, onomasiological analysis.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Тема Петербурга для русской (и шире – мировой) культуры неисчерпаема. Сложная и противоречивая судьба этого города неразрывно связана с историей досоветской, советской и постсоветской России, что отражено уже в номинативных трансформациях самого топонима: из Санкт-Петербурга (Петербурга, Питера) – в Петроград, затем – в Ленинград и снова в Санкт-Петербург. Вокруг каждого из этих наименований формируется особый культурный фон, свойственный конкретному обозначению города и соответствующий определенному историческому периоду (так, совершенно уникальны образы дореволюционного Петербурга, красного Петрограда, блокадного Ленинграда и, наконец, «внехронологического» народного Питера).

В научной (преимущественно литературоведческой и культурологической) литературе прочно закрепились термины «образ Петербурга» и «петербургский текст». Термин «петербургский текст» принадлежит В. Н. Топорову, который отметил, что, «как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 1995. С. 274].

Общекультурную символику Петербурга раскрывает статья Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [Лотман, 1984]. Феномену Петербурга в русской литературе посвящена монументальная статья В. Н. Топорова «Петербург и «Петербургский текст русской литературы»» [Топоров, 1995], охватывающая «петербургские тексты» XVIII–XX вв. Книга О. Лукас «Поробрик из бордюрного камня» посвящена реконструкции и сопоставлению образов москвича и питерца с опорой на сложившиеся культурные стереотипы, связанные с Москвой и Петербургом [Лукас, 2011]. Что же касается лингвистического разворота темы Петербурга, то здесь следует упомянуть «Словарь петербуржца» Н. А. Синдаловского [Синдаловский 2003], содержащий жаргонные слова и выражения, используемые петербуржцами в разговорной речи, а также городские топонимы, фразеологизмы, народные речения, анекдоты, рекламные лозунги и проч. Этот весьма пестрый и разнородный материал показывает мир Петербурга изнутри, глазами жителя города. Следует указать и монографию «На языке улиц (Рассказы о петер-

бургской фразеологии)», в которой Наум Синдаловский собрал и прокомментировал пословицы, поговорки и каламбуры, чье появление так или иначе связано с Петербургом [Синдаловский, 2010]. Этому же автору принадлежат и другие работы, касающиеся петербургского фольклора и образа самого Петербурга в нем. Основной темой статьи О. В. Гордеевой является функционирование топонимов *Петербург*, *Питер* и *Петроград* в русском фольклоре Пермского края [Гордеева, 2009]. Концепту «Петербург» и его лексическому воплощению в художественной картине мира А. Блока посвящена диссертация Л. Н. Авдониной [Авдонина, 2009].

Очевидно, что образ Петербурга формировался не только изнутри (главным образом силами местных жителей и писательской братии, покоряющей град Петров), но и извне. Среди носителей внешнего взгляда – русские крестьяне, жители небольших городов, размышляющие о северной столице издали или отправляющиеся туда на заработки. Языковой результат добровольного или вынужденного взаимодействия этих слоев населения с Петербургом – функционирующая в русских говорах и общенародном языке вторичная топонимия, лексика и фразеология, словообразовательно или семантически связанная с неофициальным названием города Питер (гораздо реже – с другими обозначениями Петербурга). По мнению Е. М. Поспелова, топоним Питер получил распространение еще до 1724 г. [Поспелов, 2000. С. 162] и использовался наряду со всеми существовавшими официальными обозначениями города (Петроград – с 1914, Ленинград – с 1924 и Санкт-Петербург – с 1991 по настоящее время).

Таким образом, основной задачей данной статьи является реконструкция системно-языкового образа Петербурга, закрепленного в народном сознании и отраженного, прежде всего, в диалектной лексике, фразеологии, топонимии. Значительная часть диалектного материала, приведенного в статье, извлечена из лексической и топонимической картотек Топонимической экспедиции Уральского университета [ЛКТЭ; ТКТЭ]; кроме того, используются другие диалектные словари русского языка. В качестве поддерживающего фона также приводятся факты разговорного языка, городского просторечия и жаргона, извлеченные в основном из «Словаря петербуржца» Н. А. Синдаловского. Оговоримся, что факты городского просторечия типа *ленинградка* ‘типовой дом ленинградской серии; квартира в таком доме’ [ЯРГ] в статье подробно не рассматриваются.

Как уже говорилось, лингвистический «абрис» города формируется в народном языковом сознании с опорой на семантико-словообразовательные производные от неофициального топонима *Питер*. В меньшей степени представлены производные от других названий города (*Петербург*, *Петроград* и *Ленинград*). В число производных входят нарицательные лексемы (*питер* 'способ зарабатывания денег путем каких-либо промыслов'), антропонимы (*Питер* 'прозвище жителя деревни'), а также фразеологизмы, включающие топоним (*можно в Питер съездить* 'о долгом времени, в течение которого кто-либо отсутствовал') и производные от него (*питерский гриб* 'белый').

В периферийную зону нашего внимания попадают устойчивые текстовые образования: поговорки, пословицы и присловья (*Питер бока повытер*), клишированные сочетания, встречающиеся в фольклорных текстах (*Питер Москве поклонился*) и др.

Следует также отметить, что «питерская» лексика и топонимия характерна в основном для говоров областей, граничащих с Ленинградской областью, центром которой был и остается Петербург, или же не пограничных, но близких к ней. Это архангельские, вологодские, костромские, псковские, ярославские, реже – говоры Карелии. Подобный перевес материала объясняется, в первую очередь, сопредельностью территорий, во вторую – большей представленностью лексики северных говоров в русской лексикографической традиции.

В результате семантико-мотивационного анализа языковых данных выявляются некоторые сквозные линии, характеризующие образ города. Выявленные ключевые мотивы, подкрепленные материалом, подаются далее по тематическим рубрикам: ЛОКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДА; СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ; МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

Локативная характеристика

Очевидно, что для языкового образа Петербурга крайне важна локативная составляющая, ведь город – это прежде всего конкретный географический объект. Представление о Питере как о месте формируется в сознании носителя языка по двум направлениям. С одной стороны, это объективные характеристики локуса, совпадающие с реальными свойствами объекта (географическое положение, ландшафт, климат и проч.). С другой стороны, это субъективные свойства, приписываемые объекту предста-

вителем народной традиции (например, представление о Питере как о райском месте). При этом необходимо учитывать, что объективное свойство локуса может подвергаться субъективизации и переоцениваться (так, например, реальная удаленность Питера трансформируется в почти мифологическую недостижимость объекта). Более того, практически все субъективные свойства локуса основаны на реальных характеристиках, которые как бы возводятся в некоторую оценочную степень. Постараемся описать локативные параметры Петербурга, начиная с объективных и заканчивая субъективными.

Объективные локативные свойства *Географическое положение*

Как было указано выше, Петербург как топоним является главным ориентиром прежде всего для жителей севернорусских территорий России, т.е. он по-прежнему остается северной столицей, составляя конкуренцию Москве. Основной массив «питерской» лексики и топонимии зафиксирован в говорах Русского Севера. Для жителей обозначенной территории Питер становится тем главным географическим объектом, относительно которого выстраивается вся пространственная система координат. При этом чаще всего Петербург является максимально **удаленной** «последней» точкой, «закрывающей» обозримое для народного сознания пространство.

Об этом свидетельствует прецедентная топонимия (в основном названия покосов или полей, расположенных далеко от деревни, или же тех, на которые надолго выезжали косить), ср. покос *Питер* в пяти километрах от д. Конохово Устюженского района Вологодской области и мотивировка названия – «Дней на десять ездили косить, вроде как в Питер съездили» [ТКТЭ]; поле *Гогин Питер* в Холмогорском районе Архангельской области – «Далеко оно, сама последняя новина, потому и Питер» [Там же]; поле *Петенбур* Верховажского района Вологодской области – «Может быть, Петин бур там был, может быть, чувство юмора: если Петербург где-то есть, то пусть у нас Петенбур будет» [Там же]. Ср. также шутивную присказку о территории, которая далеко простирается и не имеет границ: костр. *а теперь ограда до Петрограда* 'об отсутствии выделенных границ между деревнями' [ЛКТЭ].

Отметим, что для жителей самого Петербурга город, что вполне естественно, становится точкой отсчета, относительно которой может выстраиваться система координат «центр / периферия», ср. петерб. прост. <чай> *что из Петербурга Кронштадт видно* 'о жидком,

прозрачном чае' [Даль, 1994. Т. 4. С. 580]. Как отмечает Е. Л. Березович, «прозрачность слабо заваренного чая [здесь] “измеряется” тем расстоянием, которое якобы просматривается через жидкость, – до определенного “предела видимости”, которым может стать... близлежащий город» [Березович (в печати)]. В данном случае это город-порт Кронштадт, находящийся на одном из островов Финского залива. Еще об этой модели в обозначениях жидкого чая см. далее.

Предполагается, что до Питера нужно **долго ехать или идти**, ср. арх. *можно в Питер съездить 'о долгом времени, в течение которого кто-либо отсутствовал' [КСГРС], эти щи из Питера пеши шли 'о залежавшемся товаре' [Бурцев, 1898. С. 290], а к поездке нужно специально готовиться, ср. арх. в Питер ехать – тогда и кобыла снаряжать 'о том, что собираться надо непосредственно перед отъездом' [КСГРС].*

Добираться до северной столицы не просто долго, но и **физически тяжело**, ср. название детской игры *в Питер по шапочку* – «В этой игре взрослые проверяют подростков на физическую закалку. Ребенок берет в каждую руку по палочке, животом ложится на пол, опирается на палочки. Взрослые спрашивают его: “Куда пошел?” – “В Питер по шапочку” – “Далеко, не уйдешь!” – “Эта головушка хаживала и еще не раз сходит”. При последнем ответе подросток должен оторвать руку от пола и дотронуться палочкой до головы. Если игрок удерживает равновесие и не падает, то его считают сильным» [Дети и детство, 2008. С. 120].

Иногда Питер становится местом, куда вообще невозможно попасть, ср. *не видать свинье неба, а бабе Питера 'о чем-то недостижимом, неосуществимом [СРГК, С. 521].* Топоним *Питер* часто встречается в предикативных сочетаниях с глаголами движения: в город на Неве **идут** издалека (*шел Кондрат в Ленинград 'идти издалека, без особой цели, постоянно, идти вообще, стихотворная строка К. И. Чуковского, вошедшая в народную речь' [Синдаловский, 2003. С. 234]*), из него **приезжают** (пск. «К людям всё приезжают с Питера, а ко мне сиротинушке никто. Как-то души больно, сиротно» [СППП, С. 38]).

С некоторой долей условности можно отметить, что Петербург в народном сознании располагается на **севере** и является **северо-западным центром** России. Некоторые архангельские и вологодские топонимы, образованные от основы *Питер* (4 из 17), сориентированы на север или северо-запад от деревни (т.е. точки отсчета), ср. болото и покос *Питер*, болото

Питерское и покос *Ленинград* [ТКТЭ]. Ср. также костр. *один глаз смотрит на Вологду, другой – на Ленинград 'о косом человеке' [ЛКТЭ]*, в котором относительно костромской территории обозначаются северное (на Вологду) и северо-западное (на Ленинград) направления.

В некоторых присловьях и фольклорных текстах провинциальные города России (чаще северные) характеризуются как уголок (отруб) Питера, ср. *от Питера отрубков, от Москвы уголок – то Пинега-городок* (варианты: *Шенкурск-городок, Обоянь-городок*) [Снегирев. С. 591]. (Пинега – поселок в Архангельской области, Шенкурск – город в Архангельской области, Обоянь – город в Курской области). Н. А. Синдаловский связывает происхождение выражений такого типа с указом Екатерины II строить русские города с учетом петербургского опыта, который с 1762 г. активно выполнялся по всей России. По такому же принципу образована поговорка *Ярославль городок – Москвы уголок* [Синдаловский, 2003. С. 263–264].

Климат, ландшафт, архитектура

Как уже было отмечено, Петербург воспринимается сознанием жителей Русского Севера весьма дистанционно, как далекая столица, поэтому в диалектной характеристике города практически нет конкретных деталей. Наиболее скупое в образе Петербурга проявлены климатически-метеорологические и ландшафтные аспекты, столь активно функционирующие в художественных текстах. В частности, отмечается болотистая местность, ср. в топонимии Вологодской области названия болот *Питер* и *Питерское* [ТКТЭ], в поговорке *стоит Питер на болоте, никто муки (ржи) в нем не молотит* [Синдаловский, 2003. С. 223]. Примечательно, что эти болота находятся в северном и северо-западном направлении от деревень. В городском же просторечии намечаются такие сугубо питерские элементы, как **наводнения**, ср. *петербургский потоп 'о знаменитом наводнении 1824 года' [Синдаловский, 2003. С. 139], несгораемая Москва, непотопляемый Петербург* [Синдаловский, 2003. С. 219]; **дождливый климат**, ср. разг. *петербургский климат 'нехороший, нездоровый климат', питерская моросявка* [Синдаловский, 2003. С. 142]; **ветер**, ср. *в Питер по ветер, в Москву по тоску* [Синдаловский, 2003. С. 218]; **белые ночи**, ср. *чай – белые ночи 'об очень жидком чае' [СФСРЯ, С. 26].*

В некоторой степени во вторичных топонимах проявляется пейзажно-ландшафтная характеристика города. Так, *Ленинградом* в

Кирилловском районе Вологодской области называется «покос большой, хороший, гладкий» [ТКТЭ], т. е. подчеркивается предполагаемая **открытость** и **просматриваемость пространства**. Кроме того, добавляется сема «городской, столичный» → «хороший, качественный».

Субъективные локативные свойства

Субъективный (оценочный) образ Питера находит свое отражение в присловьях и фольклорных текстах. При этом возникает достаточно противоречивая картина: с одной стороны – это **чудесное место** (особая версия Петербурга – некогда райского праведного места, а теперь несчастного города, расставшегося с «живым Богом», – бытовала у старообрядцев. Подробнее см. Топоров, 1995. С. 322), открывающее новые возможности, с другой стороны – это **гиблое место**, грозящее разорением, ср. *Питер кому город, а кому ворог* [Синдаловский, 2003. С. 233]. Питер представляет неограниченные возможности для **денежного обогащения**, но чтобы чего-то добиться, нужно **постараться**, ср. влг. *в Питенбурге денег много, только даром не дают* [Дилакторский, 2006. С. 361].

Петербург воспринимается как место, где можно **развлечься** (мотив «веселости» Петербурга – ср. название места, где, собственно, и возник «первый» Петербург – *Lust-Eiland*, т.е. Веселый остров – закреплен в так называемом «низовом» городском фольклоре, см. Топоров, 1995. С. 262), хорошенько **выпить, загулять**. Ср. арх. выражение *съездить в Питер* ‘хорошо провести время в развлечениях и попойках’ [КСГРС], которое, как отмечает Е. Л. Березович, появилось благодаря притяжению *питер* ↔ *пить*, проявляющемуся и во фразеологизмах, обозначающих питье, напиток: олон., север. *питер-едер, питер и ядер, питер и идер*; ср. также влг. *ни питера, ни идера не знать* ‘о высокой степени усталости’, курск. *питёра* ‘обжора’ [Березович, 2007. С. 179]. Репутация Петербурга как запойного города, в значительной мере «наведенная» созвучием лексем *Питер* и *пить*, находит отражение и в шутовском названии *Питинбрюх*, встречающемся в «петербургском фольклоре». На «народно-этимологическом» уровне топоним отсылает к двум из основных наслаждений «веселого» Петербурга – питию и чревоугодию (брюхо) [подробнее см. Топоров, 1995]. Отметим также, что в вологодском селе Новленское существует трактир под названием «*Петербург*» [КСГРС].

Отмечается также и **густонаселенность** российских столиц вообще и Петербурга в частности, ср. костр. фразеологизм *Москва и Пи-*

тер (наговорить) ‘наговорить, наболтать очень много’ [ЛКТЭ].

В ряде речений город подвергается некоторой антропоморфизации – ему приписываются вполне человеческие свойства и особенности поведения. Рассмотрим их.

~ Питер меняет человека, делает его более **опытным, «тертым калачом»**, ср. севернорус. *попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер* [Снегирев, 1999. С. 216];

~ Питер делает человека **нерусским**, «онемечивает», ср. *Питер всех русских переколбасничал, все переколбасничались, онемечились* [Даль, 1994. Т. 3. С. 59];

~ Питер может **полюбить**, а может **разорить**, уничтожить человека, ср. *Кого Питер не полюбит, последнюю шубу слупит* [МЖРФ, С. 147], *Питер кому мать, кому мачеха* [Бурцев, 1898. С. 322], *Батюшко-питер бока наши повытер, Братцы-заводы унесли годы, а Матушка-канавы и совсем доконала* (канавой в Петербурге называли Обводный канал, по берегам которого во второй половине XIX в. появилось множество промышленных предприятий) [Снегирев, 1999. С. 580].

Особое место в языковом портрете города занимает **противопоставление Петербурга и Москвы**, сформировавшееся после перенесения столицы в Санкт-Петербург в 1712 г. Это противопоставление в какой-то мере было ослаблено лишением Питера столичного статуса в 1918 году, но все же оно остается актуальным и по сей день. Размежевание двух столиц, отраженное в ряде пословиц и поговорок, строится по ряду смысловых линий. Обозначим их.

Москва женского пола, Петербург мужского, ср. *Питер женится, Москва замуж идет* [Даль, 1994. Т. 1. С. 533], *Питер женится, Москву замуж берет* [Синдаловский, 2003. С. 221]. Петербург традиционно называется *батюшкой* (ср. поговорку *Батюшка-Питер бока повытер*) и отцом [Топоров, 1995. С. 331], а Москва *матушкой* [Синдаловский, 2003. С. 219].

Идея о брачных отношениях Москвы и Петербурга, как отмечает М. В. Ахметова, «поддерживается устойчивыми представлениями об их соответственно женской и мужской природе, о том, что эти города олицетворяют соответственно женское и мужское начала» [Ахметова (в печати)]. В работе М. В. Ахметовой приводится суждение С. Ю. Неклюдова о том, что пословица *Питер женится, Москву замуж берет* появилась сразу после официального бракосочетания Петра и Екатерины (1712 г.), ср. также ее более поздний вариант (по Далю): *Питер женится, Москва – замуж идет*; что касается пословицы *в Ленинграде женихи, а в Москве*

невесты, то она, по мнению С. Ю. Неклюдова, бытовала в Петербурге / Ленинграде до самого недавнего времени [Там же].

Москва – духовный центр, Питер – интеллектуальный, ср. *Питер голова, Москва сердце* [Даль ПРН, С. 330], *Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* [Даль ПРН, С. 329].

Москва – исторический и культурный центр, возникший естественным образом, Питер – финансовый центр, созданный искусственно, ср. *Москва создана веками, Питер миллионами* [Даль ПРН, С. 330].

Москва – провинциальная, скучная, Питер – столичный, веселый, ср. *в Питер – по ветер, в Москву – по тоску* [Синдаловский, 2003. С. 218].

Москва – патриархальная, Петербург – современный, ср. *Питер – город, Москва – огород* [Синдаловский, 2003. С. 220].

Москва славится выпечкой, Петербург – рыбой, ср. *славна Москва калачами, а Петербург сигамаи (усачами)* [Снегирев, 1999. С. 414].

Отметим, что в некоторых случаях Москва и Питер выступают практически как синонимы, объединяясь в образ столицы вообще, который, в свою очередь, противопоставляется провинции, страдающей от указов «сверху», ср. *в Питере (в Москве, в городе) дрова рубят, а к нам (а по всем городам, деревням) щепки летят* [Даль ПРН, С. 421]. Предполагается также, что в обеих столицах по-городскому пьют пустой чай, ср. костр. *Москва и Ленинград 'о жидком чае' – «Жидкий чай – Москва и Ленинград, ничего в их нет, пусто в чае, как в городе»* [ЛКТЭ]. Отметим, что, несмотря на мотивировочный контекст, это выражение «генетически» явно связано с фразеологизмами, обозначающими жидкий чай или суп и образованными по модели «Х видать» (где Х – некий пространственный предел), ср. прост. и диал. арх., твер. *Москву видать* [ЛКТЭ; Селигер 3. С. 290], костр. *Кострому видать* [ЛКТЭ] и проч. (об этой модели см. выше).

Социальный состав населения

Приблизительно с середины XIX в. Петербург становится местом отхожего промысла. Особенно резко социальный и этнический состав населения Петербурга меняется после отмены крепостного права, в 1860–1890 гг. Рост промышленных предприятий в столице влечет за собой мощный приток рабочей силы из близлежащих губерний, особенно тех, что находились по маршруту железнодорожных путей. В частности, Витебская и Псковская губернии становятся своеобразной кузницей питерских рабочих кадров, ср. выражение *псковский да*

витебский народ самый питерский [Синдаловский, 2003. С. 234]. Судьба приезжих в северную столицу складывалась по-разному: некоторые возвращались в родную деревню, а большинство из прибывших на заработки оседали в Петербурге навсегда, становясь петербуржцами в первом поколении. Для таких рабочих мигрантов, побывавших в Петербурге на промыслах, существовал целый ряд обозначений, возникших на базе многочисленных наименований собственно жителей столицы, ср. диал. севернорус. *пи(е)тенбур* [СРНГ 27. С. 53], собир. *пе(и)тенбура́* [Подвысоцкий, 1885. С. 121], арх. *петербуржец*, яросл. *питерщик* [СРНГ, Вып. 27. С. 54], *питерянец* [ЯОС, Вып. 7. С. 107], костр. *питерщик* [Синдаловский, 2003. С. 263], устар., прост. *питерец*, *питерщик* [ССРЛЯ, Вып. 9. С. 1258], разг. *питеряк* [Синдаловский, 2003. С. 263].

Питерские отходники могли характеризоваться с разных позиций: со стороны «домачей», оставшихся в деревне, и с точки зрения самих петербуржцев, привыкавших к новому соседству. Рассмотрим особенности образа *питерщика*. Прежде всего отмечалась цель пребывания деревенского жителя в столице: он приезжал на заработки, ср. арх. *петербуржец 'приехавший на заработки'* [ЛКТЭ], *петенбура́ 'то же'* [Подвысоцкий, 1885. С. 121]. На уровне просторечия слово *питерец*, *питерщик* в значении «крестьянин, уехавший на заработки в Питер» проникает в литературный язык и язык художественной литературы, ср. «Входит питерец... и кладет ему [барину] на стол рыбу или яблок, или просто полтинник... – Молодец вырос, а мастерству выучился ли?» <Писем. Питерщик> [ССРЛЯ, Вып. 9. С. 1258]. Постепенно это значение расширяется, и с Питером связывается не только «бизнес» в столице, но и вообще способ заработка посредством промысла, ср. арх. *питер* 'любой промысловый способ заработка' [КСГРС] или место отхожего промысла, ср. онеж. *Питер* 'место отхожего промысла бурлаков' [СРНГ, Вып. 27. С. 53].

Попав в городскую среду, человек изменялся, становился «бывалым», ср. просторечное *питерщик*, *питерец* 'бывалый человек, бывавший и промышлявший в Петербурге' [Мгеладзе, Колесников, 1965. С. 59]. Многие крестьяне, не способные честно заработать и закрепиться в столице на законных правах, сливались с городскими низами и становились либо отъявленными плутами (без указ. м. *напйтериться* 'побывав в Питере, набойчиться; стать продувным плутом' [Даль, 1994. Т. 2. С. 450], смол., калуж., влг., новг., арх. 'то же' [СРНГ, Вып. 20. С. 75]), в *Питере бывал, на полу сыпал, и то не*

упал! 'о многоопытном шуйском [Шуя – город в Московской области] плуте, человеку, много повидавшем и достаточно потертом жизнью' [Даль, 1994. Т. 4. С. 288]), либо просто бродягами (карел. *питерец* 'бродяга' [СРГК, Вып. 4. С. 521]).

Следует отметить, что для жителя деревни образ отходника являлся составной частью общего представления о жителе города. По мнению представителя традиционной культуры, крестьянин под влиянием чуждой ему среды существенно менялся, набирался городских манер. В этой связи нам кажется уместным рассмотреть здесь **образ петербуржца** вообще (жителя столицы) и увидеть его таким, какой он представлен в народном языковом сознании. Например, считается, что жительница Питера не умеет управляться с деревенским хозяйством (влг. *как у питерячйхи* пренебр. 'о женщине, у которой плохо идут домашние дела' [СВГ, Т. 8. С. 19], ср. *питерячйха* 'женщина из Петербурга, петербурженка; горожанка' [Мокиенко, Никитина, 2008. С. 504]) или просто ленится что-либо делать (костр. *питерка* 'лентяйка' [ЛКТЭ]). С другой стороны, горожанин может отличаться красотой и щегольством (например, в отличие от деревенского носить сапоги), ср. влг. *питеряк* 'молодой красивый парень' [СВГ, Т. 7. С. 53], костр. «Питерщики приехали вон в сапожках из Ленинграда» [ЛКТЭ], ср. еще *петроградка* 'модница, франтиха' [СРГК, Вып. 4. С. 493].

Широкий спектр значений, характеризующих изменения, которые происходят с деревенским жителем в городе, демонстрирует семантика экспрессивных глаголов *напитериться*, *напитерачиться*, *запитерить* и др. Рассмотрим эти значения.

В столице можно:

~ **приобрести навыки**, научиться что-либо делать, ср. влг. *напетериться* – «Столько времени воевал, дак напетерилсё» [СВГ, Вып. 5. С. 58];

~ **набойчиться**, сделаться ловким, изворотливым, ср. влг., калуж., новг., смол. *напитериться* [СРНГ 20. С. 75]; стать продувным плутом [Даль, 1994. Т. 2. С. 450].

~ **перенять манеры городского жителя**, стать более культурным, ср. пск. *напитериться* – «Напитерился – благородства набрался значит» [ПОС, Вып. 20. С. 137];

~ **перенять речь городского жителя**, ср. *напитериться* – «Вишь уж совсем напитерились, культурно говорить начали» (арх.) [СРНГ, Вып. 20. С. 75], пск. *напитерачиться* [ПОС, Вып. 20. С. 137];

~ **начать одеваться с лоском**, по-городскому, ср. пск. *напитериться* экспр. 'нарядно одеться' [ПОС 20. С. 137];

~ **зажить на широкую ногу**, ср. *запитерить* шутол. 'зажить по-питерскому, столичному; барски, мотовато' [Даль, 1994. Т. 1. С. 616];

~ **стать бесцеремонным**, наглым, заносчивым, ср. смол. *обпитериться* – «По яровому начал ходить. Обпитерился» [СРНГ 22. С. 189]; арх. «Уехала учиться, дак напитерилась» [КСГРС].

~ **насытиться городской жизнью**, ср. пск. «Я типерь напителилась так ни хачу» [ПОС 20. С. 137];

~ **вернуться домой ни с чем**, ср. влг. *напитериться* 'так в Вологодской губернии смеялись над парнями, которые вернулись из столицы без денег' [Синдаловский, 2003. С. 261].

Материальная культура

С Питером в народном языковом сознании ассоциируется и ряд предметов быта. Некоторые из них связаны с северной столицей «генетически»: они там производятся, продаются или используются, ср. *петербургская гармонь* 'гармонь, которая производилась в Петербурге' [БЛС, С. 121], петерб. *питерские веретёна* 'веретена, продававшиеся в Петербурге' [СРНГ, Вып. 27. С. 53], *питерская шапка* 'шапка синего сукна' [Там же], карел. *питерка* 'длинная юбка со шлейфом' [СРГК, Вып. 4. С. 52] (возможно, такие шапки и юбки носили в Питере).

Есть предметы материальной культуры, которые воспринимаются как *питерские*, так как отличаются высоким «столичным» качеством: кубан. *ленинградка* 'трикотажная мужская рубашка с короткими рукавами и воротником' – «Ленинградку не каждый мог купить» [Борисова, 2005. С. 143]. Коннотации «столичного» (высокого) качества имеются и у обозначений некоторых природных реалий, используемых человеком. Так, прилагательное *питерский* в арх., петерб. *питерский гриб* 'белый гриб' [СРНГ, Вып. 27. С. 53] приобретает качественную семантику и обозначает хороший, «дорогой» гриб (ср. образованные по той же семантической модели арх. *москóвик (дорогой гриб)* 'белый гриб' [КСГРС], пск. *московец* [ПОС, Вып. 18. С. 377]). Возможно, сходные коннотации есть у яросл. *питерка* 'сладкая редька' [СРНГ, Вып. 27. С. 53], арх. *питерка* 'щука средней величины' [КСГРС], хотя мотивация этих лексем пока недостаточно ясна.

С другой стороны, *питеряками* называли и незатейливую выпечку без начинки, сделанную на скорую руку, «по-городскому», ср.

влг. *питеряк* 'выпечное изделие из муки без начинки' – «Утром в школу пойдёшь, вот мать быстренько на сковородку пирог да в печку, опокиши называли или питеряки» [СВГ, Вып. 7. С. 61].

Отдельного внимания заслуживает «питерская» обувь: лапти и сапоги. *Питериками* называют лапти, имеющие, в отличие от обыкновенных, большую выемку [Дилакторский, 2006. С. 361]. Кажется, что здесь реализуется описанный выше коннотативный смысл «столичное, качественное, не такое, как обычное». Возможно, впрочем, что подобные лапти можно было купить в Петербурге, ср. поговорку *валяй, Матвей, не жалей лаптей: тятка с Питеру приедет, новы лапти привезет* 'если уж поехал отец в Питер на заработки, то можно надеяться на улучшение жизни [Синдаловский, 2003. С. 234]. В то же время обыкновенные лапти – в оппозиции с сапогами – поддерживают противопоставление деревенского мира городскому. Сапоги являются более дорогой, городской обувью, ср. костр. «Питерщики приехали вон в сапожках из Ленинграда» [ЛКТЭ], в то время как по лаптям узнаваем прежде всего деревенский житель, ср. *Питер меня вытер, а я ему отомстил – в лаптях по Невскому походил* [Синдаловский, 2003. 233]. Приведем в качестве наглядного примера текст, встретившийся у А. Е. Бурцева: «В незапамятную старину двое любимых поселян собрались покататься на масленице. Заложили лошадь в сани. У обоих были одни **сапоги**; вот они надели их, кто справа сидел на правую ногу, а кто слева – на левую. Тех двух ног, что внутри саней, и не видать, что оне в **лаптях**, а все же **питерщиной** нужно побахвалить» [Бурцев, 1898. С. 318]. Как можно увидеть, сапоги, которыми щеголяют поселяне, здесь называются *питерщиной*, свидетельствуют о «столичном» статусе владельцев и противопоставляются деревенским лаптям.

***

В заключение представим сводный языковой образ *Питера*, нашедший отражение в семантических и словообразовательных оттопнических дериватах, фразеологизмах и устойчивых речениях, содержащих данный топоним. Рисую общую картину, попытаемся наметить основные и факультативные смысловые линии, организующие петербургский сюжет в народной культуре. Следует также учесть точку зрения субъекта, погруженного в пространство города или же, напротив, дистанцированно от него.

В результате семантико-мотивационного анализа языковых данных были выделены следующие ключевые параметры описания образа Питера: локалитивная характеристика города; социальный состав населения; материальная культура. Внутри каждой категории можно условно выделить объективные и субъективированные (оценочные) характеристики, приписываемые Питеру.

Задумываясь о Питере как о месте, диалектоноситель прежде всего отмечает его удаленность. Это далекий северный предел России, до которого физически трудно или даже невозможно добраться. Отмечается, что город стоит на болоте, климат в нем дождливый, ветреный. Ландшафт Питера характеризуется открытостью и просматриваемостью, красивой архитектурой. Что же касается оценочной характеристики, то здесь образ Питера амбивалентен: с одной стороны – это город неограниченных возможностей, с другой – гибельное место, где легко разориться. Считается также, что Питер – веселый город, где можно как следует напиться и развлечься.

Важное место в структуре оценочного образа Питера занимает его противопоставление Москве. Москва воспринимается как исторический и духовный центр России, возникший естественным образом, в то время как Петербург создан искусственно и является прежде всего интеллектуальным и административным центром страны. В некоторых случаях Москва и Питер выступают как «синонимы», объединяясь в образ столицы вообще, который, в свою очередь, противопоставляется образу провинции.

Что же касается социального состава населения города, то достаточно детально в языке проработан образ *питерщика*, крестьянина, приехавшего в столицу на отхожий промысел. Здесь важно отметить, что образ отходника в большей степени прорисован с позиции извне и подробно характеризуется с точки зрения «домача», деревенского жителя, оставшегося дома. По его мнению, городская среда существенно меняет приезжего: он может приобрести мастерские навыки, наловчиться в чем-либо, перенять манеры и речь горожанина, может стать наглым и заносчивым, зажить на широкую ногу, а может, напротив, устать от городской жизни и вернуться в деревню ни с чем. Что же касается образа самого петербуржца (жителя столицы), то он может отличаться красотой и щегольством в одежде, но при этом ленив и не способен заниматься домашним хозяйством.

Материальный мир Питера описывается не столь детально. Отмечены только пища, одежда, обувь и некоторые другие сферы быта. Вещи, охарактеризованные как «питерские», отличаются особым качеством и в основном расцениваются как дорогие, «столичные». В качестве городской обуви воспринимаются сапоги – в отличие от деревенских лаптей. Эта обувная оппозиция поддерживает существующее в народной культуре противопоставление «городской – деревенский».

Литература

Авдони́на Л. Н. Лексическая объективация концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 19 с.

Ахметова М. В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке). (В печати).

Березович Е. Л. К понятию «языкового мифа» // АБ-60: сборник к 60-летию А. К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. Вып. 4. С. 177–187.

Березович Е. Л. Русские народные местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и история народа. Екатеринбург, 2012. (В печати).

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Ред. В. М. Мокиенко. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. 349 с. (В тексте – СФСРЯ).

Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. 252 с.

Бурцев А. Е. Народный быт Великого Севера. СПб., 1898. Т. 1. XXI, 497 с. – Сказки, перепечатанные из изданий А. Е. Бурцева.

Гордеева О. В. Топонимы Петербург, Питер, Петроград, Ленинград в русском фольклоре Пермского края // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. С. 193–205.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: ТЕРРА, 1994. (В тексте – Даль).

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. XXVIII, 990 с. (В тексте – Даль ПРН).

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева; науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та, 2008. 200 с. + 24 с. цв. вкл.

Елистратов В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словарь, 2004. 703 с.

Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург). (В тексте – КСГРС).

Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург). (В тексте – ЛКТЭ).

Лукас О. Поребрик из бордюрного камня: сравнительное петербургомосквоведение. СПб.: Комильфо, 2010. 192 с.

Малые жанры русского фольклора / Сост. В. Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1979. 284 с. (В тексте – МЖРФ).

Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П. Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1965. 127 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1885. 197 с.

Поспелов Е. М. Историко-топонимический словарь России: досоветский период. М.: Профиздат, 2000. – 219 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–2009. Вып. 1–21. (В тексте – ПОС).

Россия: Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / Ред. Ю. Е. Прохоров. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. (В тексте – БЛС).

Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001. 864 с. (В тексте – РС).

Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь. СПб., 2003. – Вып. 1. (В тексте – Селигер).

Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. СПб.: Норинт, 2003. 320 с.

Синдаловский Н. А. На языке улиц: (рассказы о петербургской фразеологии). М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 263 с.

Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007. (В тексте – СВГ).

Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб.: Наука, 2006. 677 с. (В тексте – Дилакторский).

Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с. (В тексте – СПП).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. (В тексте – СРГК).

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л.: Наука, 1965–1991. Вып. 1–26. СПб.: Наука, 1992–2010. Вып. 27–43. (В тексте – СРНГ).

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л., 1948–1965. (В тексте – ССРЛЯ).

Словарь «Языки русских городов»: [Электронный ресурс]: <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary> (В тексте – ЯРГ).

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: «Индрик», 1999. 624 с.

Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург). (В тексте – ТКТЭ).

Топоров В. Н. «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Риту-

ал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.

Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко: в 10-ти вып. Ярославль, 1981–1991. (В тексте – ЯОС).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кривошапова Юлия Александровна

канд. филол. н.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ул. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 629000

эл. почта: insekt@yandex.ru

тел.: (8343) 2679136

Krivoshchapova, Yulia

Ural Federal University

51 Lenina St., 620000 Ekaterinburg, Russia

e-mail: insekt@yandex.ru

tel.: (8343) 2679136